

оналистов, как это ни удивительно, вынуждены отчасти брать на себя те, кто ими объективно не является.

Не наступает ли время, когда «националистические» по форме проекты могут обрести гораздо больший интернациональный потенциал?

Возможно, появляется альтернатива как государственному, так и «красно-коричневому» патриотизму, и национализм в России начинает радикально менять свою природу, становится революционным и поневоле интернациональным. Националисты новой волны начинают выдвигать проекты, которые сознательно идут гораздо дальше, чем простое изменение менее выгодного положения в миросистеме на более выгодное. Некоторые националисты времен заката капиталистической миросистемы, к которым можно отнести упомянутых выше М. Калашникова, С. Кугушева, Е. Холмогорова, А. Панарина и других, даже поднимают вопрос о том, как эту миросистему изменить. Однако в целом нельзя сказать, что моральная подоплека наших ведущих политических дискурсов дает повод для оптимистического взгляда в будущее.

7. Нравственное значение нашей «революции»

В настоящее время часто говорится, что Россию в мире «не любят». Что она не обладает авторитетом, а при малейшей попытке укрепить свое положение встречает единодушное сопротивление Запада — именно в силу этой почти мистической нелюбви.

Но почему «нас не любят»? Этот вопрос задается, наверное, со времен Чаадаева. Чаадаевский ответ известен: потому что Россия не «историческая» страна, которая, тем не менее, претендует на роль в истории. Своего рода страна-самозванка, которую не прогнать из-за ее величины и военной силы.

В богословском и лестном для нас варианте это звучит так: все более подпадающий под власть дьявола мир не любит Россию, потому что она сдерживает его сползание к апокалипсису. Сейчас, правда, уже почти не сдерживает, но возможно, станет сдерживать вновь, если по-настоящему обратится к Богу.

Вот еще один вариант: Россия настойчиво пытается идти своим путем. Даже тогда, когда ее правители заявляют, что идут вместе с Западом или даже опережают его на той же магистральной дороге истории. Однако в процессе этого опережения Россия дискредитирует западные ценности. Она — «обезьяна Запада», как дьявол — «обезьяна Бога». Иными словами, Россию не любят за то, что она есть «иное» Запада, на которое Западу смотреть противно.

Как бы то ни было, в любом случае Россию не любят по моральным соображениям. Но дело не только в моральных соображениях рационального плана (моральное чувство вообще рационально как процедура проверки на соответствие норме). Тут примешивается еще и иррациональный подтекст.

Правда, мистика в духе какой-то эзотерической теории заговора здесь не при чем: Россию в последний период ее истории не любят за предательство. Потому что Россия — такая же предательница Модерна, как и Запад, только еще циничнее, откровеннее и хуже. Отягощается ситуация тем, что предательство это происходит как раз в период очередного обострения неустранимого «фактора морального коллапса» капиталистической миросистемы, в которую сейчас включилась и Россия.

Такое утверждение требует пояснений.

Капиталистическая миросистема (КМС) — это прежде всего «мир-экономика», вырастающая параллельно и над мирами-обществами, мирами-империями (локальными экономическими, политическими, национальными, культурными и т.п. общностями). Это означает, что в морально-этическом отношении в своих пределах КМС может руководствоваться только некими общими для всех, усредненными нормами.

Эти нормы касаются прежде всего обмена, торговли, силового раздела сфер влияния (государственного суверенитета). В феодально-католической Европе эти нормы долго не были определяющими, ютились по уголкам социального универсума. Как замечает И. Валлерстайн, феодализм сменился капитализмом в результате того, что нелегитимная прежде капиталистическая культура (с доминирующей предпринимательской мотивацией) воспользовалась моментом ослабления социальной оппозиции капитализму, которая произошла в силу сочетания самых разных причин.

Однако внутри КМС всегда предпринимались попытки каким-то образом научиться контролировать свой источник экономического развития — «моральный коллапс», — научиться жить с ним, ограничив его воздействие до приемлемых пределов. Усилия были направлены на своего рода «реморализацию» КМС всеми доступными способами — от религиозных до философско-политических. Проект Модерна был, возможно, самой масштабной попыткой такой реморализации¹.

¹ Подробнее об особенностях реализации российской версии Модерна в контексте Модерна как глобального политического проекта см.: *Мартынов В.С. Метаморфозы российского Модерна: выживет ли Россия в глобализирующемся мире.* Екатеринбург: УрО РАН. 2007. — 344 с.

Но что такое Модерн?

Модерн, в либеральной или коммунистической его версии, это прежде всего глобальный морально-политический проект. Его смысл в том, чтобы в перспективе возвысить униженных, дать всем равенство и процветание, расширить возможности, достигнуть справедливости для всех.

Г. Рормозер очень емко сформулировал суть и, главное, мотивацию модернизаторского проекта: «На достижение какого состояния общества была ориентирована с самого начала эпоха Нового времени? Стремление было всегда к такому состоянию общества, при котором человек полностью распоряжался бы своей собственной судьбой и всеми социальными и индивидуальными условиями своей жизни. ...Замысел состоял в том, чтобы упразднить случайность, или, говоря более обыденным языком, судьбу. ... Человек не должен был более зависеть от своей судьбы. Ему надлежало взять отныне в собственные руки естественные и социальные обстоятельства своей жизни, самому распорядиться ими, чтобы, освободившись от всякого рода зависимости, связанной с судьбой, обрести возможность поступать теперь как ему вздумается»⁹¹. Иначе говоря, модернизаторский проект Нового времени, питавший либерализм и социализм, заключался в обещании человечеству достигнуть возможности *управлять своей судьбой*.

Разумеется, этот процесс реморализации никогда не протекал гладко.

Неизбежные сбои попыток реморализации происходили из-за того, что моральные оппоненты капитализма далеко не всегда превосходят его именно в моральном отношении. Таковы различные виды сословно-средневековой морали — аристократической, морали людей свободных профессий и т.д. Почвенническая и традиционалистская мифология, расизм, словом, мораль, основанная на прославлении добродетелей сильных, никоим образом не противоречит морали рынка, поскольку она также основана на представлении о неизбежном неравенстве людей. Поэтому политические учения правого толка (фашизм и национал-социализм — крайний вариант) являются временными паллиативами, разочарование в которых бывает жестоким и отбрасывает Запад назад в моральном отношении. Но до сих пор Запад находил в себе силы возвратиться на столбовую дорогу реморализации.

Гораздо более серьезной угрозой реморализации является кризис так называемого либерального консенсуса. Вплоть до середины XX в. либерализм оставался доминирующей идеологией миросистемы, су-

⁹¹ Рормозер Г. Крах идеологий как выражение кризиса эпохи Нового времени // Кризис либерализма. М.: ИФАН, 1996. С. 35.

мевшей подчинить своему влиянию как консерваторов, так и левых, озвучивавших требования не интегрированных в систему социальных групп. В принципе либеральный консенсус основывался на обещании, что *все люди и все народы* мира рано или поздно достигнут высокого материального и культурного уровня.

В результате национализм, расизм, сексизм и прочие ограничения либерального консенсуса, без которых он, тем не менее, не мог «работать» на практике, с легкостью могли быть осмыслены как ограничения *культурные*. И они тем более вызвали негодование, что в идеологии либерализма насчет этих ограничений ничего не говорится, а, напротив, утверждается, что права человека доступны всем, вне зависимости от пола, расы, вероисповедания и т.д. Стоит ли удивляться, что исключенные из либерального консенсуса оказались восприимчивыми именно к идее *культурной революции*, призванной покончить с политикой двойных стандартов либерализма? Что они считали, будто только культурные ограничения мешают им овладеть всей полнотой прав — от прав индивида до прав народов. В том числе и правом свободно передвигаться по миру в поисках работы, которой нет дома именно потому, что экономического процветания по рецептам МВФ там почему-то не наступает.

И. Валлерстайн утверждает, что в ходе западных волнений 1968 г. был поставлен под сомнение базовый либеральный консенсус исторической капиталистической миросистемы. И произошло это просто потому, что либерализм не смог, да и не мог в принципе, выполнить своих обещаний, данных всем людям и народам мира¹. Люди и народы устали ждать, когда же современные идеалы прогресса, благосостояния и справедливости для всех станут реальностью. Крушение СССР как альтернативной версии той же современной мечты стало последней каплей. С этого момента капиталистическая миросистема вступила в очередную эпоху обострения «фактора морального коллапса».

Запад и Россия осуществляли и одновременно предавали Модерн по-разному. Как предавал-осуществлял Модерн Запад, вкратце было сказано выше. Из предательства Модерна на Западе выросли риторика идентичности и цивилизационизм в области политической мысли, религиозные фундаментализмы, расизм, сексизм и т.д.

Россия-СССР прошла тот же путь, только с коммунистической идеологией. Заимствование ортодоксально-либеральных ценностей и политического режима оказалось неудачным. Все это привело к постепенному откату к «суверенной демократии» со свертыванием публичной политики, ползучим национализмом, теми же риториками национальной идентичности и т.п.

¹ См.: Валлерстайн И. После либерализма. М.: УРСС, 2003. С. 234–251.

Почему же нас «не любят», если у нас все то же самое? Потому что когда Запад пусть на символическом уровне пытается сохранить доминирование хоть какой-то версии общечеловеческих ценностей в мире, наши элиты не нашли ничего лучшего, как откровенно скатиться к «обороне тупика». Потому что *коллапс советского проекта в России сразу же начинался как моральный коллапс самого проекта Модерна в целом.*

Вспомним, как это начиналось. На поверхности все выглядело как отказ от тупикового пути развития и возвращение на магистральный путь истории. В действительности же Россия отнюдь не возвращалась на Запад в моральном отношении, а отрицала его фундаментальные гуманистические ценности, которым в общем была привержена в советский период. Как отмечает А. Юрчак, «значительное число простых советских граждан в доперестроечные годы воспринимало многие реалии повседневной социалистической жизни (образование, работу, круг друзей и знакомых, относительную неважность материальной стороны жизни, заботу о будущем и других людях, равенство, бескорыстие) как истинные ценности... Эти положительные, творческие, этические стороны жизни были такой же частью социалистической реальности, как и ощущение отчуждения и бессмысленности, которые нередко их сопровождали»¹. Иными словами, советское общество имело с современными западными обществами общие ценности модернового характера. Это были ценности равенства, солидарности, социальной справедливости и научно-технического прогресса, как условий, необходимых для личностного роста и т.д. Мало-помалу развивавшийся культ материального потребления, конечно, оттеснял эти ценности, но не мог еще оспаривать их главенства — они были «естественными».

К началу 1990-х гг., однако, количественные изменения переросли в качественные. Общие с современной Европой модерновые моральные ценности были обменены на внешнее единство во второстепенных вещах — экономических принципах, политических режимах, в потреблении.

Львиную долю модерновых ценностей заменила ценность конкуренции, которая быстро укоренилась в нашем общественном сознании. Впрочем, в ретроспективе такое стремительное моральное падение не представляется удивительным. Причина заключалась не только в распространении культа потребления еще в советское время. Ему предшествовало моральное разоружение интеллигенции, равно

¹ Юрчак А. Поздний социализм и последнее советское поколение // Неприкосновенный запас. 2007. № 2. С. 89–90.

как и остальных социальных слоев — и это разоружение было обусловлено, как ни смешно, самим советским воспитанием и образованием.

Мы все воспитывались на образцах «золотого века» русской литературы, она была едва ли не фундаментом нашего воспитания и образования. Но в ней образованный и культурный человек был, как правило, *дворянином, представителем привилегированного класса*. Такому культурному образцу собственно советская культура в итоге не смогла ничего противопоставить. Более того, она считала его вполне приемлемым. Энергетика собственно социалистических (читай — преимущественно современных) моральных ценностей постепенно выдыхалась в условиях распространения потребительской психологии. Так или иначе, в определенный момент своей эволюции наша интеллигенция оказалась неспособной увидеть в образованном дворянине русской литературы ничего, кроме вожденной картины привилегированной жизни, особое качество которой придавало потребление высоких произведений культуры и искусства (ну и, разумеется, соответствующий высокий уровень чисто материального потребления). Так культурность стала ассоциироваться с привилегированностью, с принадлежностью к «элите».

В результате как интеллигенция, так и народ в целом лишились иммунитета к разного рода «философиям неравенства». И эти философии не замедлили появиться. Интеллигенция ощутила себя привилегированным классом, стоящим выше всех прочих, не совсем полноценных в культурном плане. Поэтому ее гуманизм, ее высокие идеалы стали гуманизмом и идеалами барина без поместья, который был бы не прочь приобрести оное. И потому интеллигенция не смогла в моральном плане ничего противопоставить «дикому капитализму» 1990-х. Ее оказалось легко совратить, соблазнить призраком элитного благополучия и избранности, которые якобы ожидали ее в капиталистическом будущем — будущем принципиально *не равных* людей.

Что бы там ни говорили о всплеске свободы в 1990-х, эти годы были овеяны прежде всего людоедской риторикой тотального господства рынка. Капиталистическая миросистема повернулась к нам только одним боком: грубо истолкованными моральными принципами капитализма, но не ценностями либерализма и демократии, не ценностями собственно Модерна. Однако принципы капитализма в чистом виде всегда были перманентной угрозой торжества морального коллапса на Западе с пугающими перспективами отсутствия даже намека на социальную справедливость, равенство, рост возможностей для всех и даже на личную безопасность. Неудивительно, что в России моральный коллапс обернулся «криминальной революцией».

Причем самое характерное — народ и интеллигенция эту людоедскую, объективно антимодерновую, антигуманную риторику в общем-то приветствовали! В течение нескольких лет было нормальным считать неравенство правильным, безработицу — благом, классовое деление — достижением, потребление — основной целью в жизни. Потому что многие надеялись, что в новых условиях рынка они, благодаря своим талантам или оборотистости, превзойдут других. А если кто-то скатится на социальное дно, оказавшись без поддержки государства, так это только справедливо. Иными словами, моральное падение, предпосылки к которому накапливались долгие годы, было столь же стремительным, сколь и массовым.

Но это было только начало. Потом наступило разочарование: жизнь по законам рынка почему-то принесла большинству не потребительский рай и личное процветание, а балансирование на грани выживания. Тогда вновь обретшие популярность патриоты (или националисты, как они теперь предпочитают себя называть) во всем стали обвинять злокозненный Запад и его ядовитые для прочего мира ценности, которые, помимо всего прочего, разрушили великий СССР и повергли в ничтожество его наследницу Россию.

Наша общественная мысль из такого печального поворота событий сделала далеко идущие выводы. Это были выводы в духе «реал-политик», прагматизма, антилиберализма, цивилизационизма. Следствием морального разоружения интеллигенции, ее увлечения элитистской мечтой стала ее моральная неразборчивость в области политической мысли. Рецепт неразборчивости прост: морален любой путь развития, который приносит благо своей стране. Этот рецепт до сих исповедуют и правые, и националисты. Но он годится и для части левых, да и вообще для всех, кто вздыхает об утраченном прежнем могуществе (имперском или советском — безразлично), невзирая на его моральные и материальные издержки для окружающих народов. (Разумеется, любым издержкам, скажем, советской политики в отношении Польши и Прибалтики в ретроспективе можно найти убедительное оправдание — с точки зрения отечественных национальных интересов. Но удивительно ли, что такая позиция далеко не всегда встречает понимание наших соседей, у которых всегда были и есть *собственные* национальные интересы?)

Так или иначе, но в течение последних 10 лет общественное мнение России стало постепенно склоняться к другой крайности. Если западные ценности не принесли России процветания, то они ложны. Общечеловеческих ценностей нет, они — выдумка Запада, провозглашающего свои собственные ценности универсальными с банальной целью достижения господства. «Некоторые, — иронизирует по этому

поводу игумен Вениамин Новик, — как только слышат об общечеловеческих ценностях, так просто в ярость приходят и хватаются кто за кобуру (у кого есть), а кто... — за кадило. О каких правах человека можно говорить в этой (нашей) стране? — говорят одни. Права человека — это эгоизм, — вторят им другие. Наиболее осведомленные начинают снисходительно улыбаться и, похлопывая вас по плечу, начинают объяснять, как все обстоит “на самом деле”, и где находится и куда течет нефть, которая непременно должна быть, и цены на которую всё определяют. Мол, все куплено, а эта вся трескотня о гуманизме, правах человека — не более чем дымовая завеса, или фиговый листок, под которым сами знаете что»¹.

Словом, правы были Данилевский, Шпенглер, Хантингтон, говорившие, что человечества нет, а есть только борьба цивилизаций и культур. Мы забыли свои корни, приверженность которым важнее, чем забота о человечестве вообще. Так не будем теперь прислушиваться к этим лицемерным западникам, которые в действительности заботятся только о собственном благе, даже если мир от этого всеобщего равнодушия к общему благу становится все несправедливее и несправедливее. Величайшей глупостью наших предков было стремление принести счастье всему миру (хоть в этом-то коварные антикоммунисты были правы!), надо заботиться прежде всего о себе. Мы забыли, что на самом деле в реальном мире кто сильный, тот и прав. Поэтому желательно восстановить хотя бы часть прежнего могущества и с его позиции диктовать миру свои условия. Мир жесток и несправедлив, так станем такими же по отношению к нему. Для внутреннего пользования придумаем какую-нибудь национальную идею, достаточно цивилизованную, гуманную и возвышенную. Ну например, основанную на наших традиционных и советских (тоже понятых в традиционалистском духе) ценностях. У всех ведь есть, почему у нас нет? А еще лучше — восстановить империю, хоть Российскую, хоть советскую, лишь бы сильную. Вот тогда-то все будет хорошо.

Не трудно заметить, что эти выводы вовсе не подразумевали какой-либо реставрации морального духа Модерна, совсем наоборот. С моральной точки зрения они абсолютно идентичны тем людоедско-рыночным призывам, которым последовал советский народ 15 лет назад. Только теперь эти призывы получили философское обоснование, приобрели масштабность концепции, которой можно руководствоваться в глобальном мире, лишенном общечеловеческих ценностей.

¹ Игумен Вениамин (Новик) Существуют ли общечеловеческие ценности? // Нева. 2005. № 8. С. 143.

Всякая революция имеет моральное и нравственное значение и содержание. Ясно выраженным моральным значением обладала Октябрьская революция. Имеет свое моральное содержание и та «революция», которая случилась у нас на протяжении последних двух десятков лет. И было бы полезным сравнить нравственные значения этих двух революций, чтобы понять, где мы на самом деле теперь оказались в моральном отношении.

М. Лифшиц в статье «Нравственное значение Октябрьской революции»¹ указывал на то, что Октябрьская революция, в отличие от буржуазных революций, ориентировалась на последовательное сплочение масс, на преодоление отрицательного духа разрушения, «войны всех против всех», в конечном счете, — «духа дьявола in personae». Поэтому многие современники видели в ней религиозные черты: «в белом венчике из роз впереди Иисус Христос», как писал Блок. Социализм (за что его упрекали всегда «реалистически мыслящие люди») предполагает наличие гораздо более нравственного, «сознательного» человека, чем капитализм. Поэтому, по сравнению с социалистическими, буржуазные революции преимущественно «отрицательные»: их цель не в моральном совершенствовании, а в том, чтобы просто расчистить место для «естественным образом» вырастающих рыночных отношений и соответствующей им морали.

Но как выражались советские историки политической мысли, буржуазные революционеры прошлого часто «не понимали», что они — буржуазные революционеры. Поэтому они нередко заводили свои революции дальше собственно буржуазных целей, выдвигали лозунги, которые гуманизировали буржуазный мир и т.д. Словом, они хотели мира более совершенного в нравственном смысле, нежели тот, который был объективно достижим. Да, собственно, поэтому они и чувствовали за собой моральное право быть революционерами, идти на жертвы — свои или чужие.

Моральное различие между революциями вырастает, разумеется, из политической философии и идеологии. Поэтому когда сегодня, например, предрекают новую революцию, которая ликвидирует нынешний российский «военно-полицейский феодализм»², возникает вопрос: а каково же будет нравственное значение *этой* новой революции?

Всё то же буржуазное. Речь идет о смене «феодално-полицейской» элиты на настоящую буржуазную, которая, непонятно почему,

¹ См.: Лифшиц М. Нравственное значение Октябрьской революции // Собр. соч. Т. III. С. 230–258.

² См.: Делягин М. Возмездие на пороге. Революция в России: когда, как, зачем. М.: Новости, 2007. С. 28–30.

будет более моральной. Но мы теперь знаем, какова мораль капитализма сама по себе, когда ее никто извне не ограничивает. Это лицемерная мораль формальных законов, под маской которых кипит постоянная война всех против всех, подпитывая людей естественными для капитализма чувствами зависти, соперничества, неустранимого дискомфорта от неравенства и т.д. Словом, та самая моральная клоака, которая привела к двум мировым войнам и множеству локальных.

Наши «буржуазно-революционные» соотечественники вполне отдают себе отчет в том, что хотят именно новой *буржуазной* революции, хотят сменить одну элиту на другую. Вероятно на себя, в чем они и видят благо для России. Ну конечно, ведь они не развратились грязными деньгами нынешних правителей (с ними не делились!) и оттого заведомо более моральны.

Спрашивается — откуда взяться этой высокой морали?

Вот для современников Октябрьской революции из личного опыта была понятна нравственная разница между тем, что было до революции и тем, что пытались сделать после нее. Более того, современник Октябрьской революции мог четко указать — откуда проистекает такая разница и почему она неизбежна. Проистекала она из коммунистической идеологии, благодаря которой сторонники большевиков имели огромное моральное преимущество перед своими «белыми» противниками. Никакая реабилитация и героизация белого движения неспособны затушевать того факта, что оно было не более чем вооруженным сопротивлением относительно малочисленных социальных групп, боровшихся исключительно «сами за себя», за свое утраченное с крахом царской России «место в жизни». Враги советской власти сколько угодно могли обвинять ее в террористической жесткости, но эта жесткость оправдывалась стремлением в перспективе обеспечить наибольшее количество возможностей наибольшему числу людей. Это была гуманистическая мораль с акцентом на социальную солидарность. Белые проиграли не только в силу военных причин или из-за отсутствия внятной политической и экономической программы — они проиграли, потому что никогда не обладали именно моральным преимуществом перед своими противниками. Их мораль была моралью социального эгоизма — и она потерпела поражение.

Мораль сегодня, как и 90 лет назад, вырастает из политической мысли. Не надо совершать гигантского умственного усилия, чтобы осознать этот очевидный факт: какова политическая философия (идеология, политический дискурс), навязываемая обществу, такая же в нем будет и мораль.

Но какая мораль объективно может вырасти из той политической философии, которая на волне антилиберализма и антиамериканизма

стала популярной сейчас? То есть — из элитизма, цивилизационизма (пресловутая теория «конфликта цивилизаций»), риторики «национальных интересов» и т.д.? Только та самая мораль, по которой мы живем сегодня, которая стала частично предпосылкой, а частично плодом той самой капиталистической революции, что уже случилась в России 15 лет назад. С тех пор мы и бродим в тупиках этой самой морали — общей как для «военно-полицейского феодализма», так и для самой демократичной из буржуазных демократий.

Современная Россия ничего не может предложить миру в нравственном и интеллектуальном плане именно из-за торжества в ней этой самой морали. Максимум, на что способно такое моральное сознание — это гибкое преследование «национального интереса» в надежде, что, «гармонизируя» себя, твоя страна улучшит и весь мир. Но смешно полагать, что такой народ будут любить или хотя бы уважать другие народы. Если он ослабеет, его станут презирать и унижать, если будет сильным — ненавидеть. В лучшем случае — относиться равнодушно. С какой стати прочим народам любить или уважать страну, руководство которой неоднократно заявляло, что самым главным для нее является преследование собственных интересов, а общественное мнение в целом с ним солидарно, поскольку полностью разделяет с ним политическую философию и мораль, из которой такая стратегия вытекает?

Сегодня мы живем в стране, которая еще сохраняет стабильность, основанную на былых сверхдоходах от нефти, которая обуздала «криминальную революцию», восстанавливает военную силу и стремится стать «энергетической сверхдержавой». Иными словами, строит себе уютный тупичок, подгребая в него все, до чего может дотянуться (например, до дна Северного Ледовитого океана). И получается, что, цинично предав гуманистические идеалы Модерна в пользу эгоистической морали цивилизационизма, Россия почти процветает. И это есть послание современной России миру.

Причем по существу, по рациональным и моральным соображениям Запад последовательно критиковать Россию не может. Он сам такой же, только еще стыдливо прикрывается формальной приверженностью идеалам либерализма и Модерна. Запад тоже строит себе тупичок, который в дальнейшем готовится оборонять. Остается придираться по частным вопросам — да как иначе? У нас ведь тоже либерализм и «вопреки навязываемому западному — да и нашему — обывателю мнению современная Россия вполне разделяет ценности западной демократии»¹.

¹ Гусейнов Э. Константин Косачев: Мы за диалог, но не за «бартер» с Западом // Российская газета. 12 декабря 2005 г.

Иными словами, еще сохраняющие совесть и тревогу о мире представители Запада видят в России свой завтрашний день, и такое завтра им не нравится. В течение последних 15 лет Россия в ускоренном темпе прошла те стадии приспособления к фактору морального коллапса, которые на Западе заняли века.

В начале этого пути мы приняли донельзя огрубленную версию либерального морального минимума — мораль «дикого рыночного капитализма». Результат нам не понравился и теперь вот уже в течение десятка лет у нас пытаются создать или возродить (или даже симулировать возрождение?) более приспособленную к нуждам общества, более «человеческую», нерыночную локальную мораль. Но эта локальная мораль в ситуации отказа от проекта Модерна в измерении политической мысли выражается то в попытках создания национальной идеологии, то в провозглашении себя энергетической сверхдержавой, то в символическом возрождении советского и имперского наследия, то в попытках православия вновь стать государственной религией. Эта модель локальной морали — явно тупиковая. Наша морально-политическая реакция на обострение фактора морального коллапса интеллектуально бесплодна.

По той же причине наша нынешняя «элита» не способна поставить вопрос о «справедливом мироустройстве» или даже придумать «национальную идею». Потому что ведь национальная идея в действительности не только национальна, она предлагает вариант развития для всего мира (как, например, американская национальная идея «общества равных возможностей»). У нас же все сбивается либо на тему бытового благополучия, либо на тему мирового лидерства. Когда же становится понятным, что ни для мирового лидерства, ни даже для бытового благополучия сил недостаточно, возникает тема автаркии. Появляется закономерная мысль: не закрыться ли нам временно от мира (хотя бы экономически), дабы окрепнуть? А параллельно придумать новую или не совсем уж новую национальную идею. Вроде пресловутого Катехона, удерживающего мир от сползания к Апокалипсису, восстановления монархии или христианской реставрации во всемирном масштабе.

Понятно, что слабая Россия не сможет реализовать никакого варианта справедливого мироустройства. Сильным быть всегда лучше, чем слабым. Но сегодня вместе с соответствующими политическими философиями мы выбираем исключительно те варианты морали, которые просто позволили бы нам стать сильными и поэтому мораль для нас в общем-то не имеет значения. В этом, как ни печально, и заключается нравственное значение нашей последней «революции».